

Греции, как и Румынии, нейтралитет в случае выступления в пользу тройственного соглашения, но четники испортили железную дорогу, и Греция не может послать своих солдат на помощь Сербии. Впрочем, здесь необходима оговорка. О посылке греческих войск у нас говорили так же упорно, как недавно говорили о вступлении румынских войск в Трансильванию. Но дальше разговоры дело не продвинулось.

Можно ли надеяться, что Венеция будет более решительна, чем Братияно? Не будем забывать, что на Балканах меньше, чем где-либо, склонны оказывать даром политические услуги. У нас уже неоднократно указывалось, что найти компенсацию для Греции представляется особенно затруднительным, так как эти компенсации могут встрять серьезные возражения со стороны Италии, с которой державам тройственного соглашения отнюдь не желательно вступить в конфликт.

Без уверенности в получении желательной компенсации Греция будет, еще более, чем Румыния, склонна выжидать и под различными предлогами откладывать свое выступление. Известия с различных театров войны будут оказывать значительное влияние на курс греческой правительственной политики, и, пока успех и неудача будут колебаться на стороне воюющих, до тех пор трудно ожидать определенной позиции от нейтральных государств.

Все это очень неутешительно для Сербии, переживающей теперь самые тяжелые дни. Новому коалиционному кабинету придется вынести на своих плечах самый жестокий период борьбы с австрийским нашествием.

Протест ученых.

Русские ученые протестуют против выступления ареопага немецких ученых в защиту образа действий воинствующего германизма, и справедливо. Одобрения германской армии и извинения из ученых кабинетов и с академических кафедр, нельзя понять иначе, как отупение нравственного чувства нации и извращение этических понятий.

Однако, чем справедливее наше возмущение германской «культурностью» и ее представителями, тем большая тревога возникает за себя самих. Ведь те немцы, которыми мы теперь так возмущаемся, до самого последнего времени были нашими учителями. Профессора, подписывавшие германское воззвание, навёрно, на своем веку перевидали тысячи русских в своих аудиториях и горделиво выдвигали в их умы свои идеи. Сколько русской молодежи наполняло германские университеты и прочие святилища науки и искусства, жрецы которых вызвали сейчас общее негодование. Да что говорить о молодежи: и сами ученые русские не мало учились и учатся от немцев. Как католики ъздать на поклон в Рим к папѣ, так русские адепты науки привыкли ъздать на поклон к германским ученым. Многотомные германские «бухи» стоят на первом мѣстѣ на полках русских ученых библиотек и кабинетов, и нѣтъ, кажется, такой отрасли знания, гдѣ бы не давало чувствовать себя влияние немецкой

учености и наша зависимость от нея. Так повелось ужь, что, как мы возим лечиться на немецкие курорты наше большое тѣло и оставляем там наши деньги, так возим в Германию для обработки и русской умъ, оставляя там, конечно, и некоторые качества русского духа.

Что же дѣлать, — говорят посѣтители заграничных курортов: ъздымъ потому, что там лучше и удобнее; дома лечиться негдѣ. Аргументъ достаточно основательный, и совершенно правильно у нас разсудили, что противопоставить такому аргументу можно только не меньше всѣм аргументъ: улучшение отечественных курортов, устранение необходимости лечиться за границей. Нельзя же в самом дѣлѣ не лечиться изъза того, что патристическому чувству стала претить Германія. Точно также и о немецкой наукѣ приходится сказать: что-жъ дѣлать, если там учиться удобнѣе и лучше.

Нельзя оставаться безъ образования, надо работать научно,—и ъдуть туда, гдѣ это легче сдѣлать, штудируютъ немецкіе «бухи», потому что русских не имѣется. И этотъ аргументъ будетъ неотразимъ до тѣх поръ, пока не произойдетъ то же, что съ курортами, т. е. пока не подумаютъ об улучшеніи отечественной науки и не создадутъ условій, устраняющихъ необходимость ъздить за наукой къ немцамъ.

Къ сожалѣнію, вопросъ об улучшеніи отечественных курортовъ уже поставленъ на очередь и «разрабатывается», а о постановкѣ вопроса об улучшеніи отечественной науки ничего не слышно. О потребностяхъ тѣлесныхъ подумали раньше, чемъ о потребностяхъ духовныхъ. Это, положимъ, не бѣда, потому что «въ здоровомъ тѣлѣ—здоровый духъ». Но только надо бы вспомнить и о послѣднемъ. Удобно ли будетъ, вь самомъ дѣлѣ, русской молодежи и русскимъ ученымъ снова ъздать учиться у немцевъ, послѣ того, какъ немецкая профессура заявила себя нынѣшними выступлениями, и у насъ съ нашими немецкими учителями оказалось такое глубокое расхождение? Если мы стремимся теперь къ освобожденію отъ экономической зависимости отъ немцевъ, то не тѣмъ ли болѣе слѣдуетъ желать освобожденія отъ зависимости духовной? Да и, во всякомъ случаѣ, какъ бы ни сложились наши будущія отношенія къ германской культурѣ и германскому міру, прежнее ученичество едва ли допустимо. Пускай враги могутъ стать друзьями, но совершившаяся переоцѣнка цѣнностей многое изъ прежняго дѣлаетъ невозможнымъ.

Своевременно стало быть, подумать какъ сдѣлать, чтобы не надо было ъздать учиться къ немцамъ. А что именно надо сдѣлать болѣе или менѣе ясно. Больные говорятъ, что у насъ негдѣ лечиться. Учащиеся за границей очень часто ъдутъ туда потому, что имъ въ своемъ отечествѣ негдѣ учиться. Какъ известно, имѣется цѣлая категория русскихъ подданныхъ, которые силою вещей не могутъ поступить въ высшія русскія учебныя заведенія и волей-неволей ищутъ пріюта вь Германіи. Не мало и такихъ, которые стремятся къ спеціальному образованию, но не находятъ себѣ мѣста вь русскихъ учебныхъ заведеніяхъ потому, что число спеціальныхъ школъ ограничено. Другіе ъдутъ къ немец-

кимъ профессорамъ просто потому, что тамъ лучше поставлено учено-учебное дѣло. Можетъ быть, тутъ и нѣтъ необходимости; но причина вполне законная и уважительная. Вспомнимъ, что недаромъ одинъ русский сановникъ вь верхней палатѣ нашей открыто заявилъ, что онъ, пожалуй, не послалъ бы сына вь русскій университетъ, а скорѣе бы послалъ вь германскій. Наука требуетъ своей соотвѣтствующей обстановки, и если мы ее не создали, то приходится пенять на себя. По той же самой причинѣ ъздать учиться и усовершенствоваться вь Германію и наши молодые ученые. Когда понадобится подготовить группу молодыхъ людей для занятія профессорскихъ кафедръ, то русское министерство народного просвѣщенія не нашло ничего лучшаго, какъ отправить ихъ на выучку германской профессуры. Это, столь свѣжее вь памяти событіе служитъ достаточно яркой иллюстраціей положенія науки вь нашемъ отечествѣ. А чемъ поддерживается подобное положеніе, тоже достаточно известно. Ни одно поприще интеллигентнаго труда не оставлено у насъ такъ неблагоприятно, какъ ученое; и удивляться надо, кажется, больше тому, что все-таки русская наука есть, чемъ тому, что она слишкомъ несовершенна.

Оставить дѣло по-старому и вь будущемъ решительно невозможно. Лучшимъ протестомъ противъ выступления германскихъ профессоровъ и противъ всѣхъ оскорбленій, наносимыхъ немцами культурнымъ принципамъ, съ нашей стороны была бы немедленная работа, какъ избавиться отъ необходимости отдавать русскій умъ вь немецкую обработку, какъ поднять русскую науку настолько, чтобы не было нужды зависеть отъ немцевъ, а еще лучше—и отъ кого бы то ни было другого. Ученіе, какъ и леченіе,—потребность необходимая, и если не обезпечить ея удовлетвореніе отечественными средствами, то намъ придется опять идти съ поклономъ къ тѣмъ самымъ немецкимъ ученымъ, которыми теперь возмущаемся такъ глубоко.

П. Надеждинъ.

Война.

Сообщеніе штаба Верховнаго Главнокомандующаго устанавливаетъ окончательную неудачу предпринятаго германцами вь развитіе ихъ Ловичь—Лодзинской операціи концентрическаго наступленія къ тому же первоначальному пункту ихъ прорыва, т. е. вь направленіи на Колошки. Пунктъ этотъ, дѣйствительно, имѣетъ чрезвычайное значеніе, такъ какъ введенная черезъ «брешь» вь данномъ районѣ ударная масса съ одинаковой легкостью могла бы обратиться или къ Варшавѣ, или вь тылъ и флангъ войскамъ нашей Ченстоховъ—Краковской группы. Эта двойная угроза, — легко осуществимая, такъ какъ германцы дѣйствовали бы вь данномъ случаѣ по внутреннимъ операціоннымъ линіямъ,—вынудила бы неизбежно русскія войска къ некоторой разброскѣ, создавъ тѣмъ выгодныя условія для развитія наступленія германцевъ. Вопль понятна поэтому та исключительная напряженность, съ которой наши войска выдерживали неравный съ момента подхода къ германцамъ новыхъ значительныхъ подкрѣпленій бой. Вопль понятно также, что для окончательнаго парализованія попытки германскаго про-